

Посмертный дневник

Diario *post mortem*

Georgij Ivanov

A cura di Alessandro Niero

◇ eSamizdat 2009 (VII) 1, pp. 89-102 ◇

I

Александр Сергеевич, я о вас скучаю.
С вами посидеть бы, с вами б выпить чаю.
Вы бы говорили, я б, развесив уши,
Слушал бы да слушал.

Вы мне все роднее, вы мне все дороже.
Александр Сергеевич, вам пришлось ведь тоже
Захлебнуться горем, злиться, презирать,
Вам пришлось ведь тоже трудно умирать.

Ho nostalgia di voi, Aleksandr Sergeevič.
Vorrei restare un po' con voi davanti a un tè.
Voi parlereste e io, credendo ad ogni cosa,
ascolterei e ascolterei.

Vi sento intimo, vi sento caro sempre più.
Toccò anche a voi, infatti, Aleksandr Sergeevič,
strozzarvi di dolore, andare in collera, sprezzare,
toccò anche a voi una morte tribolata, infatti.

II

Кошка крадется по светлой дорожке,
Много ли горя в кошачьей судьбе?
Думать об этой обмызганной кошке
Или о розах. Забыть о себе.

Вечер июльский томительно душен.
Небо в окне, как персидская шаль.
Даже к тебе я почти равнодушен.
Даже тебя мне почти уж не жаль.

Va un gatto furtivo per un viottolo chiaro,
quant'è penosa la sorte di un gatto?
Pensare a questo gatto inzaccherato
o a delle rose! Esser dimentichi di sé!

Sera di luglio in cui l'afa tormenta.
Il cielo alla finestra è uno scialle persiano.
Anche per te io provo quasi indifferenza.
Anche per te quasi non provo pena.

III

Я жил как будто бы в тумане,
Я жил как будто бы во сне,
В мечтах, в трансцендентальном плане,
И вот пришлось проснуться мне.

Проснуться, чтоб увидеть ужас,
Чудовищность моей судьбы.
... О русском снеге, русской стуже...
Ах, если б, если б... да кабы...

Sono vissuto come immerso nella nebbia,
sono vissuto come immerso nel sonno,
nei sogni, in uno stato trascendente,
ed è arrivata l'ora che mi svegli.

Mi svegli per assistere all'orrore,
alla mostruosità del mio destino.
... La neve russa, il gelo russo...
Ah, se potessi... se mi fosse dato...

IV

Мне уж не придется впредь
 Чистить зубы, щеки брить.
 “Перед тем, как умереть,
 Надо же поговорить”.

В вечность распахнулась дверь,
 И “пора, мой друг, пора!”...
 Просветлиться бы теперь,
 Жизни прокричать ура!

Стариковски помудреть,
 С миром душу примирить...
 ... Перед тем, как умереть,
 Не о чем мне говорить.

D’ora in avanti non sarà più necessario
 lavarsi i denti, radersi le guance.
 “Prima che la morte venga
 bisogna pur parlare”.

La porta per l’eternità si è spalancata,
 e “ormai è tempo, amico, è tempo!”...
 Potermi rischiarare adesso
 e alla vita inviare un grido di esultanza!

Diventar savio come fanno i vecchi,
 riconciliare l’anima col mondo...
 ... Prima che la morte venga
 non ho di che parlare.

V

В громе ваших барабанов
 Я сторонкой проходил –
 В стадо золотых баранов
 Не попал. Не угодил.

А хотелось, не скрываю, –
 Слава, деньги и почет.
 В каторге я изнываю,
 Черным дням ведя подсчет.

Сколько их еще до смерти –
 Три или четыре дня?
 Ну, а все-таки, поверьте,
 Вспомните и вы меня.

Rullavano i vostri tamburi,
 io intanto passavo discosto:
 non sono finito nella mandria
 dei caproni d’oro. Stonavo.

Ma avrei voluto – non nascondo –
 gloria, denaro e onori.
 Dentro una galera languo
 e faccio il computo dei giorni neri.

Quanti ne mancano alla morte:
 tre oppure quattro?
 Pur tuttavia, beh, credetemi,
 anche a voi altri io verrò in mente.

VI

А может быть, еще и не конец?
 Терновый мученический венец
 Еще мой мертвый не украсит лоб
 И в *fosse commune* мой нищий ящик-гроб
 Не сбросят в этом богомерзком Йере.

Могу ж я помечтать, по крайней мере,
 Что я еще лет десять проживу.
 Свою страну увижу наяву –
 Нева и Волга, Невский и Арбат –
 И буду я прославлен и богат,
 Своей страны любимейший поэт...

E se ancora non fosse la fine?
 E sia presto perché una corona da martire
 abbellisca la mia fronte esanime
 e la mia misera scatola-bara sia gettata
 in una *fosse commune* in questa Hyères da Dio negletta?

Posso sognare, almeno, per un po’
 che una decina di anni vivrò ancora.
 Che rivedrò la patria non in sogno:
 la Volga, la Neva, l’Arbat e il Nevskij;
 e avrò la gloria, sarò ricco,
 sarò amatissimo poeta in patria...

Вздор! Ерунда! Ведь я давно отпет.
 На что надеяться, о чем мечтать?
 Я даже не могу с кровати встать.

Assurdità! Sciocchezze! Da tempo è ormai officiato
 il mio canto funebre. Che cosa spero e sogno?
 Neanche dal letto riesco ad alzarmi.

VII

Воскресенье. Удушья прилив и отлив,
 Стал я как-то не в меру бесстыдно болтлив.

Domenica. Asfissia che va e viene,
 mi sono fatto loquace oltremisura, una vergogna.

Мне все хочется что-то свое досказать,
 Объяснить, уточнить, разъяснить, доказать.

Ho ancora voglia di finir di dire,
 spiegare, precisare, chiarire, dimostrare.

Мне с читателем хочется поговорить,
 Всех, кто мне помогали – поблагодарить.

Voglio scambiare due parole col lettore
 e quanti mi abbiano aiutato – ringraziarli.

Есть такие прекрасные люди среди вас.
 Им земной мой поклон в предпоследний мой час.

Ci sono splendide persone tra di loro.
 Nella penultima mia ora – a quelle il mio saluto terreno.

VIII

Ку-ку-реку или бре-ке-ке?
 Крыса в груди или жаба в руке?

Chicchirichì o cra cra cra?
 Ratto che rode in petto o rospo in mano?

Можно о розах, можно о пне.
 Можно о том, что неможется мне.

Si può parlare di rose o di un ceppo.
 Oppure di me, del mio male.

Ну, и так далее. И потому,
 Ангел мой, зла не желай никому.

Beh, e così via. Quindi, mio angelo,
 non augurare il male a chicchessia.

Бедный мой ангел, прощай и прости!..
 Дальше с тобою мне не по пути.

Mio povero angelo, addio e perdonami!..
 Qui si dividono le nostre strade.

IX

Аспазия, всегда Аспазия,
 Красивая до безобразия –
 И ни на грош разнообразия.

Aspasia, sempre Aspasia,
 bella da far star male;
 e non un briciolo di varietà.

А кто она такая?..
 И кто такая Навзикая?..

Ma chi è mai costei?..
 E chi è mai Nausicaa?..

Себя зевотой развлекая,
 Лежу, как зверь больной, в берлоге я –
 История и мифология.

Pascendomi di sbadigli,
 bestia malata, io mi rintano:
 storia e mitologia.

А за окошком нудь и муть,
Хотелось бы и мне уснуть.
Нельзя – бессонница терзает.

Вот елочка, а вот и белочка,
Из-за сугроба вылезает,
Глядит немного оробелочка,
Орешки продает в кредит
И по ночам прилежно спит.

Ночь, как Сахара, как ад, горяча.
Дымный рассвет. Поыхает свеча.
Вот начертил на блокнотном листке
Я Размахайчика в черном венке,
Лапки и хвостик тонкая нить...

“В смерти моей никого не винить”.

Ночных часов тяжелый рой.
Лежу измученный жарой
И снами, что уже не сны.
Из раскаленной тишины
Вдруг раздается хрупкий плач.

Кто плачет так? И почему?
Я вглядываюсь в злую тьму
И понимаю не спеша,
Что плачет так моя душа
От жалости и страха.
– Не надо. Нет, не плачь.
... О, если бы с размаха
Мне голову палач!

На барабанах б мне прогреметь –
Само-убийство.
О, если б посметь!
Если бы сил океанский прилив!
Друга, врага, да и прочих простив.
Без барабана. И вовсе не злой.
Узкою бритвой иль скользкой петлей.
– Страшно?.. А ты говорил – развлечение.
Видишь, дружок, как меняется мнение.

Uggia e foschia di là della finestra,
vorrei addormentarmi anch'io.
Ma non si può: l'insonnia strazia.

Ecco un abete, e poi uno scoiattolo:
sguscia da dietro un cumulo di neve,
osserva un poco intimidito,
vende nocciole a credito
e dorme sodo quando è notte.

X

Notte torrida, come all'inferno o nel Sahara.
Alba che fumiga. Una candela arde.
Su un foglietto di bloc-notes ho disegnato,
con una ghirlanda nera, Razmachajčik,
il filo esile della zampetta e della coda...

“Della mia morte non si incolpi nessuno”.

XI

Il greve sciame delle ore notturne.
Giaccio spossato dall'afa
e da sogni che più non sono tali.
Nel silenzio arroventato
d'un tratto risuona un pianto fragile.

Chi piange così? E perché?
Figo lo sguardo nel buio maligno
e vado comprendendo senza fretta
che a piangere così è la mia anima,
piange di pena e di paura.
– Non piangere, suavia.
... Ah, se un carnefice
mi decollasse con un colpo secco!

XII

Vorrei rullare su un tamburo le parole:
darsi-la-morte.

Oh, se sapessi osare!
Se mi affluissero, oceaniche, le forze!
Perdonati l'amico, il nemico e gli altri.
Senza tamburo. E nient'affatto incattivito.
Con un lama di rasoio o un cappio insaponato.
– Paura?.. E pensare che dicevi: è uno svago.
Vedi, amico mio, come si cambia parere.

XIII

Дымные пятна соседних окон,
Розы под ветром вздыхают и гнутся.
Если б поверить, что жизнь это сон,
Что после смерти нельзя не проснуться.

Будет в раю – рай совсем голубой –
Ждать как прохладно, блаженно-беспечно
И никогда не расстаться с тобой!
Вечно с тобой. Понимаешь ли? Вечно...

Le finestre dei vicini: macchie fumide;
rose sospirano e si curvano al vento.
Potessi credere alla vita come sonno
e a un immancabile risveglio, dopo morti.

In paradiso – un paradiso tutto azzurro –
così fresca, beata e spensierata sarà l'attesa –
e fra di noi non ci sarà mai più distacco!
Con te per sempre. Lo capisci? Sempre...

XIV

Меня уносит океан
То к Петербургу, то к Парижу.
В ушах тимпан, в глазах туман,
Сквозь них я слушаю и вижу –

Сияет соловьями ночь,
И звезды, как снежинки, тают,
И души – им нельзя помочь –
Со стоном улетают прочь,
Со стоном в вечность улетают.

L'oceano mi trasporta via,
ora a Parigi, ora a Pietroburgo.
Timpano nelle orecchie, nebbia negli occhi:
e attraverso questi e quelle vedo e sento;

la notte splende di usignoli
e come fiocchi si squagliano le stelle,
e le anime – cui non si può prestare aiuto –
prendono il volo gemebonde,
prendono il volo gemebonde per l'eterno.

XV

Зачем, как шальные, свистят соловьи
Всю южную ночь до рассвета?
Зачем драгоценные плечи твои...
Зачем?.. Но не будет ответа.

Не будет ответа на вечный вопрос
О смерти, любви и страдании,
Но вместо ответа над ворохом роз,
Омытое ливнями звуков и слез,
Сияет воспоминанье
О том, чем я вовсе и не дорожил,
Когда на земле я томился. И жил.

Perché, come ossessi, cinguettano usignoli
tutta la notte al sud fino a che albeggia?
A quale scopo le tue spalle care..?
A quale scopo?.. Ma non vi sarà risposta.

Non vi sarà risposta all'eterno perché
del morire, l'amare e il soffrire?
Ma in luogo di risposta brilla,
sospeso sopra un cumulo di rose,
lustrato da scrosci di lacrime e suoni, il ricordo
di ciò che sommamente trascuravo
quando languivo sulla terra. E vivevo.

XVI

Все розы увяли. И пальма замерзла.
По мертвому саду я тихо иду
И слышу, как в небе по азбуке Морзе
Звезда выкликает звезду,
И мне – а не ей – обещает беду.

Tutte le rose sono vizzate. La palma è intirizzita.
Per un giardino morto vado silenzioso
e sento in cielo una stella che chiama
in alfabeto Morse un'altra stella,
e annuncia – non a lei, ma a me – sventura.

XVII

В зеркале сутулый, тощий,
Складки у бессонных глаз.
Это все гораздо проще,
Будничнее во сто раз.

Будничнее и беднее –
Зноен опаленный сад,
Дно зеркальное. На дне. И
Никаких путей назад.

Я уже спустился в ад.

Lo specchio mi rimanda curvo, scarno,
grinzosi gli occhi insonni.
Molto più semplice è, però, la cosa,
prosaica il centuplo.

Più misero e prosaico
è il giardino bruciato dall'arsura.
Il fondo dello specchio. Là. E manca
qualsiasi via per ritornare.

Sono già sceso giù all'inferno.

XVIII

“Побрили Кикапу в последний раз,
Помыли Кикапу в последний раз!
Волос и крови полный таз,
Да-с”.

Не так... Забыл... Но Кикапу
Меня бессмысленно тревожит,
Он больше ничего не может,
Как умереть. Висит в шкапу –
Не он висит, а мой пиджак –
И все не то, и все не так.

Да и при чем бы тут кровавый таз?
“Побрили Кикапу в последний раз...”

“Hanno rasato Kikapú l'ultima volta,
hanno lavato Kikapú l'ultima volta!
Sangue e capelli colmano il catino,
sissignore”.

Non fa così... Non ricordo... Ma Kikapú
mi agita insensatamente,
nient'altro riesce a fare
se non morire. È appeso nell'armadio:
ma non è lui, è la mia giacca;
va tutto storto, non come dovrebbe.

E poi che c'entra qui il catino insanguinato?
“Hanno rasato Kikapú l'ultima volta...”

XIX

Было все – и тюрьма и сума,
В обладании полном ума,
В обладании полном таланта,
С распроклятой судьбой эмигранта
Умираю...

C'è stato di tutto: prigionie e miseria;
nel pieno della mia lucidità,
nel pieno del mio talento,
da emigrante – sorte dannatissima –
io muoio...

XX

Пароходы в море тонут,
Опускаются на дно.
Им в междупланетный омут
Окунуться не дано.

Si inabissano i piroscafi in mare,
vanno a fondo.
In un gorgo tra i pianeti
non è dato loro immergersi.

Сухо шелестит омега,
Тянет вечностью с планет...
И кому какое дело,
Что меня на свете нет?

Fruscio secco del vischio,
soffio d'eterno dai pianeti...
Ma a chi vuoi che mai importi
che io al mondo non ci sia?

XXI

В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хождение по мукам,

Tra i rami di oleandro trilla un usignolo.
Si è chiuso il cancello con un colpo lamentoso.
La luna è rotolata oltre le nubi. E io
termino il mio terreno andare fra le pene,

Хождение по мукам, что видел во сне –
С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами.

l'andare fra le pene viste in sogno:
l'esilio, l'amore per te e i peccati.
Ma non dimentico che mi fu fatta la promessa
di risorgere. Tornare in Russia in versi.

XXII

... И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

... E alle Termopili Leonida
morì, naturalmente, anche per loro.

Строка за строкой. Тоска. Облака.
Луна освещает приморские дали.
Бессильно лежит восковая рука
В сиянии лунном, на одеяле.
Удушливый вечер бессмысленно пуст,
Вот так же, в мученьях дойдя до предела,
Вот так же, как я, умирающий Пруст
Писал, задыхаясь. Какое мне дело
До Пруста и смерти его? Надоело!
Я знать не хочу ничего, никого!

Un verso dopo l'altro. Angoscia. Nuvole.
La luna rischiarà gli spazi lontani costieri.
Una mano cerea è posata impotente
su una coperta al luccichio della luna.
La sera soffocante è senza senso vuota;
come me, giungendo al limite dei suoi tormenti,
come me, anche Proust, moribondo,
scriveva ansante. E che mi importa mai
di Proust, della sua morte? Sono stufo.
Non voglio sapere nulla, né di nessuno!

... Московские елочки,
Снег. Рождество.
И вечер, – по-русскому, – ласков и тих...
“И голубые комсомолочки...”
“Должно быть, умер и за них”.

... Gli abeti a Mosca,
la neve. Natale.
Dolce e quieta è la sera – *à la russe*...
“E a essere azzurre, ora, sono le giovani del *Komsomol*...”
“Sono morto, a quanto pare, anche per loro”.

XXIII

Из спальни уносят лампу,
Но через пять минут
На тоненькой ножке
Лампа снова тут.

Portano via la lampada dalla stanza,
ma di qui a cinque minuti
sul suo stelo sottile
la lampada sarà di nuovo qui.

Как луна из тумана,
Так легка и бела,
И маленькая обезьяна
Спускается с потолка.

Come la luna, lieve e bianca,
esce dalla nebbia,
così una piccola scimmia
si cala dal soffitto.

Серая обезьянка,
Мордочка с кулачок,
На спине шарманка,
На голове колпачок.

Садится и медленно крутит ручку
Старой, скрипучей шарманки своей,
И непонятная песня
Баюкает спящих детей:

“Из холода, снега и льда
Зимой расцветают цветы,
Весной цветы облетают
И дети легко умирают.
И чайки летят туда,
Где вечно цветут кресты
На холмиках детских могилоч,
детей, убежавших в рай...”

О, пой еще, обезьянка!
Шарманка, играй, играй!

Una scimmia grigia
dal viso grande un pugno,
un organetto sulla schiena,
una cuffietta sulla testa.

Si siede, ruota lenta la manovella
del suo vecchio organetto cigolante,
e una canzone incomprensibile
culla i bambini nel sonno.

“Sbocciano i fiori d’inverno
tra il freddo, la neve e il gelo,
cadono i petali a primavera
ed è facile che i bimbi muoiano.
E volano i gabbiani là
dove fioriscono in eterno croci
sui monticelli delle tombe
dei bimbi fuggiti in paradiso...”

Oh, canta ancora, scimmietta!
Organetto, suona, suona!

XXIV

А что такое вдохновенье?
– Так... Неожиданно, слегка
Сияющее дуновенье
Божественного ветерка.

Над кипарисом в сонном парке
Взмахнет крылами Азраил –
И Тютчев пишет без помарки:
“Оратор римский говорил...”

Ma che cos'è l'ispirazione?
– Ecco... Inaspettato, appena
appena luminoso un soffio
di brezza divina.

Sopra un cipresso, dentro un parco torpido,
darà in un frullo di ali Azraele;
e, senza cancellare, Tjutčev scrive
“L'oratore romano diceva...”

XXV

Вас осуждать бы стал с какой же стати я
За то, что мне не повезло?
Уже давно пора забыть понятия:
Добро и зло.

Меня вы не спасли. По-своему вы правы.
– Какой-то там поэт...
Ведь до поэзии, до вечной русской славы
Вам дела нет.

Con che diritto potrei mai, io, giudicarvi
perché mi è andata male?
È tempo di scordare ormai i concetti
di “buono” e di “cattivo”.

Salvato non mi avete. Siete nel giusto, a modo vostro.
– Un tale che scriveva versi...
Della poesia, l'eterna gloria russa,
non vi interessa.

XXVI

За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.

– В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снему русскому, домой.

Con tutti questi anni di tormenti
per le città di una terra straniera
c'è di che giungere alla disperazione,
e alla disperazione siamo giunti.

– Alla disperazione, all'ultimo rifugio,
quasi che fossimo d'inverno giunti,
dal vespro in una chiesetta vicina,
passando per la neve russa, a casa.

XXVII

До нелепости смешно
Так бесславно умереть,
Дать себя с земли стереть,
Как чернильное пятно!

Ну а все же след чернил,
Разведенных кровью, –
Как склонялся Азраил
Ночью к изголовью,

О мечтах и о грехах,
Странствиях по мукам –
Обнаружится в стихах
В назиданье внукам.

Risibile fino all'assurdo
è questo morire inglorioso,
farsi cancellare dalla faccia della terra
come una macchia di inchiostro!

Eppure una traccia di inchiostro
diluìta con il sangue –
su come si curvasse Azraele
a notte sopra il capezzale,

su vagheggiamenti e sogni,
sul peregrinare fra le pene –
sarà rinvenuta nei versi,
sarà di monito ai nipoti.

XXVIII

Отчаянье я превратил в игру –
О чем вздыхать и плакать, в самом деле?
Ну, не забавно ли, что я умру
Не позже, чем на будущей неделе?

Умру – хотя еще прожить я мог
Лет десять иль, пожалуй, даже двадцать.

Никто не пожалел. И не помог.
И вот приходится смываться.

[Август 1958 г.]

Ho mutato la disperazione in gioco:
da sospirare e piangere che c'è, in effetti?
Non è curioso forse che morirò
la settimana prossima, al più tardi?

Morrò, ma avrei potuto ancora vivere
una decina di anni o – metti – una ventina.

Non ho avuto pietà da nessuno. Né aiuto.
E ora tocca togliersi di mezzo.

[Agosto 1958]

XXIX

Для голодных собак понедельник,
А для прочего общества вторник.
И гуляет с метелкой бездельник,
Называется в вечности дворник.

Per i cani affamati – lunedì
e martedì per la restante società.
E gira con la scopa un fannullone
detto spazzino ora e sempre.

Если некуда больше податься
И никак не добраться домой,
Так давай же шутить и смеяться,
Понедельничный песик ты мой

[Август 1958 г.]

Se non hai dove sbatter la testa
ed è impossibile che arrivi a casa,
su, mettiamoci a scherzare e a ridere,
o cagnolino mio del lunedì.

[Agosto 1958]

XXX

Теперь бы чуточку беспечности,
Взглянуть на Павловск из окна.
А рассуждения о вечности...
Да и кому она нужна?

Не избежать мне неизбежности,
Но в блеске августовского дня
Мне хочется немного нежности
От ненавидящих меня.

[Август 1958 г.]

Poter avere un pizzico di sventatezza,
guardare Pavlovsk dietro un vetro.
E il discettare sull'eternità...
Ma quella, poi, a chi mai serve?

Non potrò eludere l'ineludibile,
ma nel bagliore di un giorno agostano
vorrei avere un poco di dolcezza
da chi mi odia.

[Agosto 1958]

XXXI

Вечер. Может быть, последний
Пустозвонный вечер мой.
Я давно топчусь в передней –
Мне давно пора домой.

В горле тошнотворный шарик,
Смерти вкус на языке,
Электрический фонарик,
Как звезда, горит в руке.

Как звезда, что мне светила,
Путеводно предала,
Предала и утопила
В Средиземных волнах зла.

[Август 1958 г.]

Sera. Forse l'ultima
mia vaniloquente sera.
Da tempo io scalpiccio in anticamera:
è tempo che rincasi.

In gola ho un bolo nauseabondo,
un sapore di morte sulla lingua;
una torcia elettrica
mi brilla in mano quale stella.

Stella che mi era luce e astro,
stella-guida che ha tradito,
ha tradito ed è affogata
tra le onde mediterranee del male.

[Agosto 1958]

XXXII

Вот елочка. А вот и белочка
Из-за сугроба вылезает,
Глядит, немного оробелочка,
И ничего не понимает –
Ну абсолютно ничего.

Ecco un abete. Ed ecco uno scoiattolo:
sguscia da dietro un cumulo di neve,
osserva un poco intimidito,
e non capisce nulla,
beh, proprio nulla nulla.

Сверкают свечечки на елочке,
 Блестят орешки золотые,
 И в шубках новеньких с иголки
 Собрались жители лесные
 Справлять достойно Рождество:
 Лисицы, волки, медвежата,
 Куницы, лоси остроногие
 И прочие четвероногие.

... А белочка ушла куда-то,
 Ушла куда глаза глядят,
 Куда Макар гонял телят,
 Откуда нет пути назад,
 Откуда нет возврата.

[1958]

Brillano candeline sull'abete,
 luccicano nocchie d'oro
 e con le loro pellicette nuove nuove
 gli abitanti del bosco, radunati,
 festeggiano il Natale degnamente:
 volpi, lupi, cuccioli d'orso,
 martore, alci dalle corna aguzze
 e i vari altri quadrupedi.

... Ma lo scoiattolo è andato via,
 è andato dove portano le zampe,
 dove non ha casa il diavolo,
 donde la strada non riporta indietro,
 donde non c'è ritorno.

[1958]

XXXIII

Если б время остановить,
 Чтобы день увеличился вдвое,
 Перед смертью благословить
 Всех живущих и все живое.

И у тех, кто обидел меня,
 Попросить смиренно прощенья,
 Чтобы вспыхнуло пламя огня
 Милосердия и очищенья.

Poter fermare il tempo!
 Così che il giorno, ingrandendo, raddoppi,
 e benedire prima della morte
 chi vive e ciò che vive – tutti.

E a quanti mi hanno offeso
 chiedere umilmente scusa,
 così che avvampi la fiamma del fuoco
 che dà misericordia e purifica.

XXXIV

Ликование вечной, блаженной весны,
 Упоительные соловьиные трели
 И магический блеск средиземной луны
 Головокружительно мне надоели.

Даже больше того. И совсем я не здесь,
 Не на юге, а в северной царской столице.
 Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
 Эмигрантская быль мне всего только снится –
 И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.

... Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
 Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
 Мы спокойно, классически просто идем,
 Как попарно когда-то ходили поэты.

Il giubilo dell'eterna e beata primavera,
 gli inebrianti trilli d'usignolo,
 il magico brillio della luna mediterranea
 mi hanno vertiginosamente stufato.

E anche di più. E io non sono affatto qui,
 non sono al sud, ma nella capitale augusta al nord.
 Sono rimasto a vivere lassù. Io quello autentico. Io intero.
 La fola dell'emigrazione è solo un sogno,
 e anche Berlino, Parigi e Nizza odiosa.

... Giorno invernale. Pietroburgo. Io e Gumilev,
 seguendo, quasi riva del Lete, la Neva ghiacciata,
 placidi e classici ci limitiamo a camminare,
 come un tempo in coppia solevano andare i poeti.

XXXV

Бороться против неизбежности
И злой судьбы мне не дано.
О, если б мне немного нежности
И вид на “Царское” в окно –
На солнечную ту аллею,
Ту, по которой ты пришла.
Я даже вспоминать не смею,
Какой прелестной ты была
С большой охажкою сирени,
Вся в белом, в белых башмаках,
Как за тобой струились тени
И ветра ласковый размах
Играл твоими волосами
И теребил твой черный бант...

– Но объясни, что стало с нами
И отчего я эмигрант?

Combattere l'inevitabile
e un destino maligno non mi è dato.
Oh, potessi avere un grano di dolcezza
e una finestra che su Carskoe si apre –
sul viale, su quel viale solatio
che per venire percorresti.
Non oso neanche ricordare
quanto tu fossi deliziosa
con quella gran bracciata di lillà,
biancovestita, bianche anche le scarpe,
come fluissero le ombre alle tue spalle
e il vento, nel suo slancio carezzevole,
giocasse con i tuoi capelli
dando scossette al fiocco nero...

– Ma spiegami che ci è successo
e perché mai io sono un emigrato?

XXXVI

В небе нежно тают облака:
Все обдуманно и все понятно.
Если б не бессонная тоска,
Здесь бы мне жилось почти приятно
И спокойно очень. Поутру
Вкусно выпить кофе, прогуляться
И, затеяв сам с собой игру,
Средь мимоз и пальм мечтам предаться,
Чувствуя себя – вот здесь – в саду,
Как портрет без сходства в пышной раме...

Если бы забыть, что я иду
К смерти семимильными шагами.

Nel cielo si sciolgono dolci le nuvole:
è stato meditato tutto e tutto è chiaro.
Non fosse stato per l'angoscia insonne
qui avrei vissuto in modo quasi grato
e molto in pace. Alla mattina
bere il caffè con gusto, passeggiare
e, intrapreso un gioco con me stesso,
abbandonarmi ai sogni tra mimose e palme
e in giardino – proprio qui – sentirmi
come un ritratto dissomigliante in una ricca cornice...

Poter dimenticare che procedo
verso la morte a passi lunghi sette miglia!

XXXVII

Во сне я думаю о разном,
Но больше все о безобразном,
О том, что лучше промолчать,
Когда вам нечего сказать,

Что помнить следует об этом
Зря разболтавшимися поэтам.

Nel sonno penso a varie cose,
ma sempre più a ciò che è orrendo,
al fatto che sia meglio stare zitti
quando da dire non si ha nulla,

e che dovrebbero pensare a questo
i poeti che hanno sproloquiato.

XXXVIII

Поговори со мной еще немного,
Не засыпай до утренней зари.
Уже кончается моя дорога,
О, говори со мною, говори!

Пусть прелестных звуков столкновенье,
Картавый, легкий голос твой
Преобразят стихотворенье
Последнее, написанное мной.

[Август 1958 г.]

Parla con me ancora un poco,
prima dell'alba non addormentarti,
già la mia strada volge al termine,
oh, parla con me, su, parlami!

Che l'urto fra suoni squisiti
e la tua voce fievole e arrotata
sappiano trasfigurare la poesia,
l'ultima poesia che ho scritto.

[Agosto 1958]

[G. Ivanov, *Posmertnyj dnevnik*, Idem, *Sobranie sočinenij v trech tomach*, Moskva 1994, I, pp. 553-590. Cura e traduzione dal russo di Alessandro Niero]

NOTA DEL CURATORE

Persuaso solo fino a un certo punto di quanto prescrivono le teorie in materia di traduzione poetica, e convinto che ogni autore faccia storia a sé, approfittando di questa breve nota per dire che, pur tentato inizialmente da una possibile resa in rima di *Posmertnyj dnevnik* (che ho preferito rendere come *Diario post mortem*, anziché come *Diario postumo*), ho optato infine per una versione sostanzialmente letterale ma, mi auguro, non priva di musicalità. In questa sede non intendo addentrarmi in discorsi critici sull'opera di Ivanov: mi limito a osservare che la difficoltà maggiore per chi si appresti a volgerlo in italiano consiste in quel suo caratteristico alternare un dettato limpido (acmeistico e “puškiniano”, si vorrebbe dire) a deliberati, prosastici abbassamenti di tono: contrasto che, sebbene in russo risulti composto e, per così dire, raccolto dalla rete di salvataggio delle rime, non per ciò risulta sedato o disinnescato. Insistere sulle rime in italiano avrebbe rischiato di conferire fin da subito alla lirica ivanoviana un eccesso di letterarietà (letterarietà che mi accorgo essere fatalmente connaturata alla nostra lingua scritta) che, credo, avrebbe potuto nuocere al testo, minando la possibilità di recuperare il suddetto contrasto. Esso penso che meglio si ottenga svincolandosi dalle rime e provocando in italiano sbalzi di tono dosati, tuttavia, in modo tale da non precipitare nella prosa *tout court*.

Per non appesantire il testo tradotto e frenare il flusso poemático del *Diario* ho creduto opportuno radunare qui le note esplicative.

IV Мне уж не придется впрддь... [D'ora in avanti non sarà più necessario...]

La presenza *in absentia* di Aleksandr Puškin, già in qualche modo dichiarata nell'*incipit* della lirica I, *Aleksandr Sergeevič, ja o vas skučaju...* [Ho nostalgia di voi, Aleksandr Sergeevič...], viene ribadita al sesto verso con il richiamo alla celebre *Pora, moj drug, pora! pokoja serdce prosit* [È tempo, amico mio, è tempo, il cuore chiede pace, 1834].

VIII Ку-ку-реку или бре-ке-ке?... [Chicchirichì o cra cra cra...]

Dietro il verso *Krysa v grudi ili žaba v ruke?* può leggersi in filigrana il detto *lučše sinica v ruke čem žuravl' v nebe* [meglio una cinciallegra fra le mani che una gru nel cielo], simile all'italiano “meglio un uovo oggi che una gallina domani” (e che inizialmente mi aveva fatto propendere per una scelta del tipo: “Né uovo oggi né gallina domani”). La resa di questo verso è complicata, tuttavia, dall'attivarsi del significato traslato del vocabolo *žaba* [rospo], che, se accompagnato dall'aggettivo *grudnaja*, indica l'*angina pectoris*, rimandando all'infermità dello stesso Ivanov. Considerata l'impossibilità di contemplare tutto ciò in traduzione, ma ritenendo importante suggerire le condizioni precarie di salute in cui versava il poeta (vedi *krysa v grudi* [ratto in petto]) e il senso di disagio (vedi il viscido di *žaba v ruke* [rospo in mano]) che ne deriva, ho pensato di scegliere una via letterale, aggiungendo soltanto il verbo “rodere” quale segnale di tormento fisico.

IX Аспазия, всегда Аспазия... [Aspasia, sempre Aspasia...]

L'Aspasia in questione è Aspasia di Mileto, amante di Pericle ateniese.

X Ночь, как Сахара, как ад, горяча... [Notte torrida, come all'inferno o nel Sahara...]

La comparsa del curioso animaletto chiamato Razmachajčik va contestualizzata all'interno del personale bestiario di Ivanov, che era solito scarabocchiare un Razmachajčik sui manoscritti o sulle lettere. Esso compare anche nella prosa *Raspad atoma* (si veda in proposito G. Ivanov, *La disintegrazione dell'atomo*, traduzione di S. Guagnelli, eSamizdat, 2004, 2, pp. 210-223).

XVI Все розы увяли. И пальма замерзла... [Tutte le rose sono vize. La palma è intirizzita...]

Al quarto verso spicca la ripresa ironica di un verso della lirica di Michail Lermontov *Vychožu odin ja na dorogu...* [Esco solo sulla strada... , 1841], cosa non insolita in Ivanov, che aveva dialogato in modo simile con l'autore di *Un eroe del nostro tempo* anche nella poesia *Melodija stanovitsja cvetkom...* [La melodia diventa fiore... , 1951].

XVIII Побрили Кикапу в последний раз... [Hanno rasato Kikapú l'ultima volta...]

L'attacco riprende quasi letteralmente i primi versi della poesia *Konec Kikapu* [La fine di Kikapú, 1914] di Tichon Čurilin (1885-1946).

XXII Строка за строкой. Тоска. Облака... [Un verso dopo l'altro. Angoscia. Nuvole...]

L'epigrafe costituisce un'autocitazione dalla poesia *Svoboden put' pod Fermopilami...* [Alle Termopili la strada è sgombra... , 1957]; la stessa viene autocitata anche nel finale, ma in traduzione è stato necessario disambiguare il passato perfetto *umer*, riferibile sia a Leonida sia, come qui si è interpretato, allo stesso Ivanov; la resa libera del penultimo esplicita il taglio ironico impresso dal poeta alle ragazze della gioventù comunista, le *komsomolocki*, che hanno colonizzato con la loro presenza fisica non soltanto lo spazio concreto evocato da Ivanov, ossia le sponde della Crimea (si vedano questi versi di *Svoboden put' pod Fermopilami...* : *I golubye komsomolocki, I Vizža, kupajutsja v Krymu* [E le giovani del Komsomol, I strillando, fanno il bagno in Crimea]), ma anche quello immaginario, fatto appunto di spensierate ragazze “azzurre” rimpiazzate qui, con amaro contrasto, dalle latrici di un'ideologia arcigna.

XXIV А что такое вдохновенье... [Ma che cos'è l'ispirazione...]

Probabile richiamo a un verso della poesia *V černom nebe – slova načertany...* [Nel cielo nero le parole sono tracciate... , 1918] di Marina Cvetajeva; l'ultimo verso riprende l'*incipit* della poesia *Ciceron* [Cicerone, 1829] di Fedor Tjutčev.

XXXII Вот елочка. А вот и белочка... [Ecco un abete. Ed ecco uno scoiattolo...]

Nel terz'ultimo verso dell'originale, *kuda Makar gonjal teljat*, Ivanov gioca con il modo di dire *kuda Makar teljat ne gonjal*, all'incirca il nostro “a casa del diavolo”; in italiano ho cercato di riprodurre lo stesso meccanismo.

XXXVI В небе нежно тают облака... [Nel cielo si sciolgono dolci le nuvole...]

Sarà superfluo ricordare che nel terz'ultimo verso Ivanov allude a una sua raccolta, *Portret bez schodstva* [Ritratto dissomigliante, 1950].

XXXVIII Поговори со мной еще немного... [Parla con me ancora un poco...]

Qui, come in molti altri componimenti dell'ultimo periodo della sua vita, Ivanov si rivolge alla moglie, Irina Odoevceva (1895-1990).

Desidero ringraziare Galina Murav'eva per i puntuali e preziosi consigli datimi in sede di traduzione.